

Во дворце не бывает тайн, и Сун Сяоси, разумеется, уже слышал о дневном происшествии в саду. Его позабавил вид Линь Сюня, но он был и озадачен:

— С чего ты так злишься на этих двух?

Линь Сюнь отложил нож. Металл звякнул о фарфор. — Просто чувствую: будь мой третий брат здесь и увидь он эту Чжоу Дань да Шангуань Шиши, он бы непременно рассердился. Раз его нет, я сержусь за него.

— Сердиться за кого-то... — Сун Сяоси фыркнул, а затем попытался образумить:

— Да с чего серчать? Брат Чухэ — наследник престола, будущий Правитель Ся, многое ему приходится делать против воли.

— Какая там против воли, — тут же возразил Линь Сюнь. — Ты разве не видел, как он сам отправил сватов к принцессе из царства Юй? По-моему, он только рад обнимать то одну, то другую, никакой против воли тут и нет.

— Если он и вправду не хочет, зачем тогда свататься? Вот это и есть «против воли», — покачал головой Сун Сяоси. Будь на его месте, он мог бы просто игнорировать несимпатичных людей, но Цэнь Цзибай не мог.

— Он рад, — Линь Сюнь вновь взялся за нож, засучил рукава и принялся резать мясо. — Будь он действительно против, при чём тут царство Юй? Послал бы войско, принудил тех южных варваров встать на колени и платить дань каждый год.

— Ты... если дело можно решить дипломатией, к чему пускать в ход силу? Да и кто пойдёт воевать с Юй, ты? — Сун Сяоси вертел в пальцах маленький нож, направляя остриё на Линь Сюня, и с улыбкой добавил:

— Твоя семья разве занимается южными делами?

— Я — подданный царства Ся! И мне дело до всего, что на севере, что на юге! — Линь Сюнь положил ему в тарелку варёной зелени. Баранина — пища горячая, а эта горчащая диковинка с гор помогает жару ослабить. — Вообще-то, я и вправду хочу в армию пойти. Отец один мечется между Линьяном и северо-западом, годы уже не те, мать беспокоится. В Линьяне со второй брат, он с матерью будет, а я на северо-запад отправлюсь, к отцу. Рано или поздно северо-запад кому-то управлять придётся.

Услышав, что Линь Сюнь собрался уезжать, Сун Сяоси почувствовал лёгкую грусть и спросил:

— Ты уже говорил с приёмной матерью? Госпожа Линь, пожалуй, не согласится.

— Потихоньку уговорю. Через пару дней отец вернётся, вот я его и донимать начну, — Линь Сюнь всегда был оптимистом. — А ты, Сяо Сяо, не хочешь со мной на северо-запад отправиться?

Сун Сяоси покачал головой. В Линьяне дел невпроворот, он не мог бросить ни дядю, ни деда.

Линь Сюнь помрачнел на мгновение, но затем сказал:

— Ну, тогда ты побудь с матерью, она тебя больше всех любит. Как я всё устрою — заберу тебя на северо-запад, погуляем. В конце концов, ты неженка, тебе тяготы не по плечу. — Сказано

это было с поистине старшим братским видом.

Сун Сяоси опустил голову и принялся за еду, не желая продолжать разговор.

Отужинав, Линь Сюнь, не имея ни малейшего желания возвращаться домой под материнские нотации, заказал еду с собой и отправился в торговый дом «Жэньхэ» к управляющему Линь Ду.

Линь Ду, вечно занятый по горло, частенько наказывал Линь Сюню: мол, когда будешь спарринговаться с Цэнь Цзибаем, улучи момент да проучи его хорошенько. Управлять такой громадной империей одному человеку и вовсе не под силу.

А уж Ли Му, что пребывал в царстве Юй, одновременно развивая коммерцию и завязывая связи с тамошней знатью, да ещё и следя за делами в царстве Ся, — тот, наверное, давно на несколько частей раскололся.

Торговый дом «Жэньхэ» ныне владел лаковым производством, ткацкими мастерскими, винокурнями.

Ткацкие дела шли бойко: материи были не лучше, чем у других, зато узоры отличались оригинальностью — то с заморским колоритом, то изысканно-уникальные.

Но больше всего серебра приносила торговля косметикой. Две эти лавки носили иное имя — «Хуашао», и мало кто знал, что они тоже принадлежали «Жэньхэ».

Сперва была лишь одна лавка в южном городе, позже открылась и в северном. Внутри царил умиротворённая атмосфера, обслуживали лишь знатных особ и аристократические семьи. Их жемчужная пудра была самой тонкой и без запаха, крем с женьшенем нежно отбеливал кожу, галенит с северо-запада идеально ложился для подведения бровей, южное османтусовое масло питало и чернило волосы... «Хуашао» прославилась после того, как Правитель Ся тяжело занемог. Придворные дамы и наложницы более не могли пользоваться яркой косметикой, и тогда кто-то изобрёл «слёзный» макияж: слегка поблёкшее лицо, чуть розоватые уголки глаз, у внешних краёв — две бледные белые черты. Плачущая красавица выглядела особенно трогательно. Та придворная дама, что носила этот изысканный макияж, пользовалась косметикой «Хуашао». Раз уж ею пользовались при дворе, а «Хуашао» обслуживала лишь знать, знатные дамы и барышни Линьяна принялись наперебой её закупать.

«Хуашао» не только продавала косметику, но и представляла новые стили: весной — «Цветущий персик», летом — «Красный лотос на солнце», были и «Пламя страсти», и «Чистый лотос».

Чуть попроще, чем товары «Хуашао», была косметика из павильона «Шисян», что построил ещё Ли Му, когда жил в Линьяне. Некоторые ингредиенты для макияжа были не по карману для покупки в «Хуашао», и люди шли в «Шисян».

Только эти две торговые марки могли такое предложить, ибо сами составы были творением Сусинь. Позже, когда канцлер Вэй Хэ из царства Юй возжелал получить некий оздоровительный рецепт, Ли Му, дабы угодить ему, забрал Сусинь с собой.

И «Хуашао», и «Шисян» ныне управлял У Чжо при содействии А Цзиня, но все счетоводные книги по-прежнему стекались к Линь Ду.

Линь-второй брат мечтал привязать Ли Му и вернуть его в Линьян.

Если уж Ли Му не может вернуться, пусть хотя бы Сусинь вернётся и возьмётся за косметическое дело. Неужели этот канцлер Вэй Хэ два года один рецепт выписывает?

****Авторское примечание:****

Поскольку сеттинг вымышленный, здесь нет трёхлетнего траура, достаточно ста дней; и этот мир в целом основан на эпохах Цинь и Хань, когда траурные ритуалы ещё не устоялись, и мало кто соблюдал трёхлетний траур... Вот так-то.

Беспросветная белизна снежной равнины простиралась до самого края неба. Цэнь Цзибай с трудом пробирался вперёд, каждый шаг утопая в снегу по колено. Казалось, он шёл уже целую вечность, ощущая глубокую усталость, голод и безнадежность этого бесконечного пути.

Впереди чья-то фигура пошатнулась и рухнула в снег. Цэнь Цзибай подошёл ближе и разглядел воина с северных земель в доспехах. Он машинально спросил:

— А где мой третий брат?

Тот покачал головой и закрыл глаза.

Цэнь Цзибай продолжил путь. Встречая кого-либо, он каждый раз спрашивал о третьем брате. Но вестей о Линь Цзине не было, никто его не видел.

Он шёл, пока силы окончательно не оставили его, и тогда упал в снег, образовав яму, что тут же стала засыпаться. Северный ветер, снег — слой за слоем погребали его.

— Сяочу...

Цэнь Цзибай внезапно открыл глаза. Линь Цзинь, весь в крови, держал на руках такого же окровавленного младенца и смотрел на него.

Цэнь Цзибай пошевелил пальцами, пытаясь подняться, но как ни бился — не мог пошевелиться.

Образ Линь Цзиня начал расплываться. Цэнь Цзибай хотел крикнуть «третий брат», хотел удержать его, из последних сил рванулся вверх, протянул руку — но коснулся лишь ставшего прозрачным края одежды.

Линь Цзинь полностью растворился в этом пространстве.

— Третий брат! — Цэнь Цзибай хрипло выкрикнул и наконец очнулся от кошмара.

С тех пор как три дня назад он получил тайное донесение от Сяхоу Ланя о том, что северные ди втайне собирают войска, Цэнь Цзибай всякий раз, закрывая глаза, видел окровавленный образ Линь Цзиня из прошлой жизни.

В той жизни Линь Цзинь именно этой зимой попал в засаду северных ди, получил множество ран и лишился ноги.

После сокрушительного поражения три года назад у заставы Ляньюнь у северных ди не должно было остаться сил для новых набегов на царство Ся. Но Линь Цзинь вознамерился истребить северных ди, свершить то, что не удавалось предшественникам, и загнал их в

безвыходное положение.

Степь Чёрной Реки была бесполезна для жителей Ся: земледелие там невозможно, да и защищать её трудно. Потому поколения северных гарнизонов даже не помышляли о её захвате. Но Линь Цзинь вышел за Великую стену Цинчжоу и начал возводить города прямо в степи Чёрной Реки, размещая там гарнизоны. Степь он превратил в северный конезавод, где разводили лошадей, а также овец и быков для армии и населения севера. Северные войска раз за разом вторгались в степь Чёрной Реки, оттачивая своё мастерство в стычках с армией северных ди. Но более всего ужасало северных ди то, что за три года Линь Цзинь воздвиг четыре города: Шоань, Шобэй, Шофан и Шопин, создав тем самым провинцию Шочжоу между степью Чёрной Реки и хребтом Шофан.

Провинция Шочжоу была непригодна для земледелия — северные войска пасли там лошадей и скот; Шочжоу была засушлива — северные войска рыли глубокие колодцы и вели каналы из провинции Цинчжоу; Шочжоу была негостеприимна для жителей Ся — северные войска строили города небольшие, используя их пока лишь для размещения гарнизонов...

Но чем больше возводилось городов, чем глубже вонзались эти клинья в самое сердце их земель, тем сильнее охватывала северных ди паника. Они собрали войска, вознамерившись уничтожить эти ненавистные города.

На сей раз северные ди выступали иначе, нежели в прошлой жизни: тогда они шли грабить, теперь же — давали отпор.

Но отпор может быть куда смертоноснее. Сражаясь не на жизнь, а на смерть, армия северных ди отступить не собиралась.

<http://bllate.org/book/15933/1424127>